

Николай Родионович Иванов (1902–1978)

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ НАУЧНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ «ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ВСЕРОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ ГЕНЕТИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ РАСТЕНИЙ
ИМЕНИ Н. И. ВАВИЛОВА» (ВИР)

**Николай Родионович
ИВАНОВ**

(Люди науки)

**Т. В. Буравцева, Г. П. Егорова, М. А. Вишнякова,
И. В. Котёлкина**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2018

УДК 631.527:929

Николай Родионович Иванов / Т. В. Буравцева, Г. П. Егорова, М. А. Вишнякова, И. В. Котёлкина. – СПб. : ВИР, 2018. – 80 с. – (Сер. «Люди науки» / ВИР).

Под научной редакцией доктора биологических наук, профессора
М. А. Вишняковой

ISBN 978-5-905954-63-4

© Федеральный исследовательский центр
Всероссийский институт генетических
ресурсов растений имени Н.И. Вавилова
(ВИР), 2018

К 115-летию со дня рождения

*«... с него можно брать пример преданности идеям учителя
Трудно отделить научные изыскания и теоретические обобщения
Николая Родионовича Иванова от концепций Н. И. Вавилова...»*

P. X. Макашева

Жизнь и научная деятельность Николая Родионовича Иванова – большого ученого, «монографа фасоли»¹ и такого удивительного человека, каким он предстает из воспоминаний современников – была тесно связана с именем Н. И. Вавилова. Один из его любимых учеников, один из самых деятельных его соратников и ярчайших последователей его учения, Николай Родионович был предан идеям учителя до последнего часа жизни, пропагандировал научное наследие Вавилова, писал и редактировал работы о нем, делился воспоминаниями с молодыми сотрудниками, читал лекции и делал доклады в ВИРе и Доме ученых, посвященные жизни и деятельности Н. И. Вавилова. «...На площадке парадной лестницы ВИРа в д. 44 по Большой Морской улице был установлен щит, и Николай Родионович вывешивал на нем различные материалы о Н. И. Вавилове. Это были страницы из работ, суждения Николая Ивановича по разным вопросам, письма-открытки из заграничных экспедиций, адресованные всем сотрудникам института, с сообщениями об увиденном по каким-либо культурам, с советами, рекомендациями, публикации в периодической печати и т. п.» (Иванова, Макашева, 1994. С. 187–188).

Николай Родионович после смерти Вавилова разыскивал неопубликованные труды своего учителя, письма, фотографии, на свои средства размножал их. Часть материалов, имеющих отношение к Вавилову, он многие годы, не смотря на опасность, сохранял у себя дома. Фонд, накопленный им, в значительной степени облегчил и ускорил посмертное издание богатейшего научного наследия Н. И. Вавилова – монографии «Мировые ресурсы сортов хлебных злаков, зерновых бобовых, льна и их использование в селекции» (1957), написанной еще в 1940 году; «Избранных трудов» в пяти томах (1959–1965); книги «Пять континентов» (1962). Под редакцией Н. Р. Иванова были опубликованы: «Библиографический указатель печатных работ академика Н. И. Вавилова» (1967), «Указатель литературы об академике

¹ Так назвал Н. Р. Иванова М. М. Якубцинер: «Они учились у Вавилова». Газета «Социалистическое растениеводство» 23 декабря 1969 г.

Н. И. Вавилове» (1967, 1970), два издания библиографического указателя «Николай Иванович Вавилов» (1974, 1978). Им написаны статьи «Воспоминания о Н. И. Вавилове» (1966) и «Основатель Всесоюзного института растениеводства» (1968).

В 1965 г. Президиум АН СССР учредил премию имени академика Н. И. Вавилова. Она присуждается отечественным ученым за выдающиеся заслуги в области генетики, селекции и растениеводства один раз в три года, в день рождения ученого – 25 ноября, начиная с 1966 г. В 1976 г. Николай Родионович Иванов стал лауреатом этой премии. Его общественная деятельность была весьма широкой. Он был членом совета и председателем сельскохозяйственной секции Ленинградского дома ученых, членом совета Ленинградского отделения Всесоюзного общества генетиков и селекционеров имени Н. И. Вавилова, членом технического совета Общества охраны природы, членом президиума Всесоюзного ботанического общества и секретарем секции культурных растений, членом общества «Знание», входил в Ученый совет не только Всесоюзного института растениеводства, но и Ботанического института им. В. Л. Комарова АН СССР. Ряд лет Николай Родионович руководил секцией зерновых бобовых культур Отделения растениеводства и селекции ВАСХНИЛ. В годы войны Николай Родионович был председателем местного комитета ВИР. Им подготовлено более 20 аспирантов, из них 2 доктора наук.

Профессор (с 1963 г.), доктор сельскохозяйственных наук, заведующий отделом зерновых бобовых культур ВИР (1945–1971), Николай Родионович Иванов был талантливым ученым, внесшим большой вклад в развитие сельскохозяйственной науки, в создание, изучение и сохранение ценного генетического фонда зерновых бобовых культур, сосредоточенного в ВИР и насчитывающего в настоящее время свыше 46 тыс. образцов.

Николай Родионович Иванов родился 16 (29) мая 1902 г. в Петербурге. Мать, Ольга Петровна, умерла в 1917 году, когда ему было 15, а брату, Михаилу, 12 лет. Отец, Родион Васильевич (1879–1942), работал в министерстве государственного контроля коллежским советником. Образование Николай Родионович получил в Ларинской гимназии, где прошел курс обучения за 6 классов, попутно работал в Петроградском Ботаническом саду у Федченко Б. А. с 1914 года и у Городкова Б. Н. с 1917 года в качестве помощника практиканта.

В 1918 году, после Октябрьской революции, Россия переживала гражданскую войну и хозяйственную разруху. В Петрограде свирепствовали голод и болезни, и чтобы спасти в первую очередь детей,

было решено создать «детские питательные колонии»². Это были своего рода кооперативы несколько улучшенного питания, существовавшие на средства добровольных пожертвований и взносы родителей. Детей-колонистов планировали вывезти на лето из города в более благополучные районы России. Весной 1918 года двумя эшелонами из Петрограда на Урал было отправлено 800 гимназистов и учащихся реальных училищ с педагогами и обслуживающим персоналом. В число этих детей и попали 16-летний Николай вместе с братом.

Развернувшиеся на Урале военные события отрезали детям путь обратно домой. Две колонии в окрестностях Челябинска и Екатеринбурга оказались в сложном положении. У них закончились взятые из расчета всего на три месяца летних каникул деньги, а также продовольственные припасы, одежда и обувь. Ни одна попытка комитета родителей оказать минимальную помощь из Петрограда не увенчалась успехом. Только вмешательство представителей американского Красного Креста помогло улучшить ситуацию. Обеспечив детей едой и теплой одеждой, Красный Крест счел опасным оставлять детей в зоне боев и решил перевезти их на Дальний Восток. Транссибирское путешествие продолжалось больше двух месяцев и к концу лета 1919 года колонии добрались до Владивостока. Во Владивостоке и в Петропавловске Николай экстерном сдает экзамены за шесть классов реального училища и за седьмой класс гимназии. «...Окончив Петропавловское реальное училище, работал на Курганской опытной станции при Молочных артелях в качестве инструктора: проводил фенологические наблюдения и ботаническое описание донника лекарственного (*Melilotus officinalis*) из семейства *Leguminosae*. В 1919 году работал в Дальневосточном музее, где вел ботанико-описательные работы...»³.

Весной 1920 года во Владивосток вошла японская армия, и Американский Красный Крест получил указания свернуть деятельность и покинуть территорию России. После неудачных попыток организовать отправку своих подопечных к родителям наземным путем, руководителю «сибирской петроградской детской колонии» Райли А. Х. Аллену удалось зафрахтовать японский сухогруз «Йоми-Мару» для перевозки колонистов в Петроград через два океана. После месячного переоборудования под пассажирские перевозки пароход в середине июля 1920 года покинул рейд Владивостока и взял курс через Японию к берегам Америки. В течение следующих двух месяцев корабль был плавучим домом для петроградских детей.

Прибытие после 20-суточного перехода через Тихий океан советских детей в Сан-Франциско вызвало подлинную сенсацию.

² Здесь и далее: путешествие детей через два океана описано по документальной повести О. И. Молкиной (2007) и В. И. Кручиной-Богданова (1987).

³ Автобиография Н. Р. Иванова (Архив ВИР. Оп. 2-1. Д. 459. Лист 2).

Впереди предстояла встреча с Нью-Йорком, где планировали провести целую неделю. Когда судно находилось еще на полпути между Панамским каналом и Нью-Йорком, у руководства американского Красного Креста возникла идея не отправлять детей в большевистскую Россию, а оставить их в Америке или во Франции, но сами дети этому воспротивились. В результате после почти двухнедельного пребывания в Нью-Йорке пароход «Йоми-Мару» с колонистами на борту отправился во второе трансокеанское плавание, теперь уже через Атлантику. Это время тоже не было потрачено Николаем Родионовичем даром, вот что он пишет в своей автобиографии: «Возвращаясь в Петроград, посетил: Ботаническую станцию на острове Йезо (современный о. Хоккайдо) в Японии, в течение 2-х недель знакомился с постановкой опытных наблюдений при Калифорнийском университете, 1 месяц пробыл в Нью-Йорке, где также посетил до 10 опытных станций ботанико-полеводственного характера»⁴

В октябре 1920 года пароход с колонистами пришел в финляндский порт Койвисто, современный Приморск. Красный Крест арендовал для петроградских детей помещения в санатории Халила (ныне – санаторий «Сосновый бор» на Карельском перешейке). Отсюда детей отправляли в Петроград небольшими группами, и к январю 1921 года все они были возвращены домой, завершив, таким образом, кругосветное путешествие, длившееся два с половиной года.

По-видимому, в эти годы выбор жизненного пути Николаем Родионовичем был сделан, потому что в 1921 году по возвращении в Петербург он поступил в Петроградский Агрономический институт (ЛСХИ, нынешний СПГАУ) на факультет растениеводства. В это время в институте работал Н. И. Вавилов. Он был профессором и заведующим основанной им кафедры генетики и селекции. Совершенно очевидно, что именно там и произошло знакомство двух Николаев – Иванова и Вавилова.

Будучи студентом, Н. Иванов провел исследовательскую работу по изменчивости лапчатки гусиной в пределах своего ареала (*Potentilla anserina* L.). Он просмотрел весь материал по этому виду, имеющийся в гербариях Академии Наук и Ботанического Сада для Европейской России⁵.

После окончания института, скорей всего не без влияния Н. И. Вавилова, в 1924 году Н. Р. Иванов приходит работать в Отдел прикладной ботаники и селекции Государственного института опытной агрономии. Он начал с должности старшего техника, с октября 1925 года назначен младшим ассистентом отдела полевых культур. Объектом его исследований и дипломной работы стала фасоль. Изучив эту культуру в Степном (1924–1925 гг.) и Северо-Кавказском отделениях (1926), Николай Родионович в мае 1927 года защитил дипломную работу в

⁴ Автобиография Н. Р. Иванова (Архив ВИР. Оп. 2-1. Д. 459. Лист 2).

⁵ Там же.

Ленинградском Сельскохозяйственном институте на тему «Особенности формирования видов фасоли (*Phaseolus* L.) Старого и Нового света» с присвоением квалификации агроном-растениевод. В 1926 году выходит и его первая печатная работа – брошюра «Фасоль». Культура фасоли так и осталась главным объектом его исследований на всю жизнь, хотя научные интересы Николая Родионовича охватывали зерновые бобовые в целом. И здесь, вольно или невольно, он выполнял завет Н. И. Вавилова, который в 1926 году писал своему будущему аспиранту на Кубанскую ОС: «Дорогой Николай Родионович, Наркозем обратился к нам с предложением в текущем году собрать сведения и организовать опыты по изучению земляного ореха. Мы решили поручить это дело Вам... В общем разработку надо провести по тому же типу, как Вы прорабатываете фасоль... Также собираите сведения на Северном Кавказе по сое. Вообще собираите все бобовые Северного Кавказа и обрабатывайте их»⁶. Всю свою последующую жизнь Иванов Н. Р. также интересовался биологией хлебных злаков, технических, овощных, кормовых и сидерационных культур.

В 1927 году Николай Родионович, не прерывая работы, поступил в аспирантуру ЛСХИ и в течение трех лет (1927–29 гг.) состоял аспирантом по кафедре генетики и селекции. Аспирантская тема, как и дипломная работа, была посвящена дальнейшему изучению фасоли. Его руководителем стал Н. И. Вавилов, в 1927 г. оставивший кафедру в ЛСХИ. Но, поскольку Н. Р. Иванов работал с материалом коллекции ВИР, это не играло принципиальной роли. К этому времени в коллекции фасоли ВИР было более двух тысяч образцов из разных уголков Земного шара, в том числе из центров происхождения (Буравцева, Егорова, 2012). Свои опытные посевы аспирант осуществлял на Сухумском отделении ВИР.

Н. И. Вавилов выделял Николая Родионовича среди своих аспирантов и сотрудников, учил его особому и важному искусству – представлять институт, растениеводческую науку, достижения страны, для чего необходимо было быть «на глобусе», по любимому его выражению. Об этом свидетельствует и эпизод, описанный в «Соратниках Вавилова»: Однажды Н. И. Вавилов пригласил его в свой кабинет и сказал: «Видите место в углу? Когда я принимаю посетителей, пожалуйста, являйтесь без доклада, садитесь и слушайте». На слова Николая Родионовича: «Хорошо. А зачем?» директор института ответил: «Хочу, чтобы Вы научились обходиться с посетителями, вести беседу» (Иванова, Макашева, 1994. С. 189). Около двадцати лет эти преданные науке люди шли по жизни рядом – Николай Родионович охотно учился у своего наставника организаторскому искусству, впитывал развивающие им идеи. Вавилова же привлекали в Иванове

⁶ Научное наследство. Т. 5 : Николай Иванович Вавилов. Из эпистолярного наследия. 1911–1928 гг. М.: Наука, 1989. С. 279.

интеллигентность, доброта, способность самозабвенно трудиться, его энциклопедические знания и широкая эрудиция в научных вопросах, редкий талант общения с людьми, исключительная память, умение организовать широкомасштабные исследования, способность к обобщениям. По свидетельству Е. Н. Синской Николай Иванович говорил об Иванове: «О, он большой эрудит!» (Синская, 1991. С. 63).

Не удивительно поэтому, что именно его Н. И. Вавилов сделал первым экспертом по работам молодого агронома Т. Д. Лысенко, слава о котором вдруг начала стремительно распространяться по стране в 1925–1926 гг.

В 1928 году Вавилов послал Н. Р. Иванова на селекционную станцию в Азербайджан, в г. Ганджа (ныне Кировобад), где работал Лысенко. Молодой вирошец внимательно ознакомился с опытами Лысенко. Экспериментатор произвел на него двойственное впечатление. С одной стороны, его удивили некоторые результаты работы новоявленной знаменитости, особенно опыты по подзимнему посеву гороха, которые тот осуществил в ноябре 1925 г. Зима в тот год оказалась мягкой, и к весне посевы дали хорошую вегетативную массу. Их можно было запахивать в почву в качестве сидерата, или скашивать на зеленый корм для скота. Результат обнадеживал. С другой стороны, Лысенко был явно недостаточно образован, не имел теоретической подготовки, вообще не читал научную литературу. Вот как пишет об этом биограф Н. И. Вавилова С. Е. Резник (1968. С. 265): «С противоречивыми мыслями вернулся Н. Р. Иванов из Ганджи. Вавилову рассказал, что столкнулся с экспериментатором смелым и, безусловно, талантливым, но малообразованным и крайне самолюбивым человеком, считающим себя новым мессией биологической науки»⁷.

⁷ В архиве ВИР нами обнаружена фотокопия письма Т. Лысенко Николаю Родионовичу (18 сентября 1969 г.), где Лысенко утверждает, что не знаком лично с Ивановым и просит его уточнить факт пребывания в Гандже. Опись фотографий (Архив ВИР, фотография № 1327. С. 149). Мы сообщили об этом факте Семену Ефимовичу Резнику, автору первой биографической книги о Н. И. Вавилове, вышедшей в серии ЖЗЛ, где он описал этот факт. Именно сейчас С. Е. Резник подготовил к печати новую книгу о Н. И. Вавилове. Семен Ефимович сообщил нам в письме, полученном 7 апреля 2017 г. следующее: «О поездке к Лысенко в Ганджу Н. Р. Иванов рассказывал мне подробно, со ссылкой на его устный рассказ эта история опубликована в моей ЖЗЛовской книге и в "Дороге на эшафот". Я этот рассказ хорошо помню и в новой книге даю больше подробностей (в ЖЗЛ, кроме всего прочего надо было экономить место). Февраль 69-го – это как раз то время, когда моя книга была арестована и заперта в типографии. Письмо Лысенко Ник. Родионовичу, датированное этим временем, подтверждает то, что ему она была известна по одному из сигнальных экземпляров, и является дополнительным доказательством, что ее "арестовали" по его доносу. Я об этом писал в предисловии к "Дороге на эшафот" и более развернуто... Трофим Денисович умел помнить то, что ему выгодно, и "не помнить" того, что невыгодно».

После прохождения вузовской аспирантуры в октябре 1929 года Николай Родионович был переведен в старшие ассистенты, а с января 1932 года получил должность ученого специалиста секции бобовых. В это время секцией (отделением) руководил Л. И. Говоров. Это был крупный специалист в области селекции, семеноводства, методики селекции. Позднее Е. Н. Синская назовет его «самым ярым адептом Н. И. Вавилова, наиболее горячим и страстным его сторонником и ближайшим сотрудником» (Синская, 1991. С. 62). Под руководством Л. И. Говорова Иванов Н. Р. участвовал в изучении уже богатого к тому времени генофонда зернобобовых, накопленного в коллекции ВИР. Он принимал активное участие в работах, выходящих из ВИР: в написании разделов «Горох», «Чечевица», «Вика», «Фасоль» и «Соя» в «Руководстве к апробации селекционных сортов важнейших полевых культур» (1929), главы «Фасоль» в «Руководстве по апробации сельскохозяйственных культур» (1933, 1938). Вышли в свет статьи по фасоли и другим зернобобовым культурам: «Особенности формообразования видов фасоли (*Phaseolus L.*) Старого и Нового света» (1928), «Новые зерновые бобовые культуры для южных районов СССР» (1929), «Культурные виды фасоли Латинской Америки» (1929), глава «Фасоль» в книге С. М. Букасова: «Возделываемые растения Мексики, Гватемалы и Колумбии» (1930), раздел «Зерновые бобовые культуры» в сельскохозяйственной энциклопедии» (1931, 1933), разделы в книге «Растениеводство СССР»: «Фасоль» и «Новые зерновые бобовые культуры» (1933), «Значение сидерационных культур в советских субтропиках» (1934).

Результаты исследований по фасоли были оформлены Н. Р. Ивановым в докторской работе на соискание степени кандидата биологических наук «Географические закономерности в распределении культурных фазеолиновых». В марте 1935 года доклад по докторской, который состоялся на Ученом Совете ВИР, был настолько блестящим, что многие крупные специалисты предлагали присвоить ему ученую степень доктора, минуя степень кандидата наук.

Николай Родионович, кроме фасоли, изучал субтропические бобовые культуры – долихос, вигну, каянус, бархатные бобы, канавалию, циамопсис – и впервые рекомендовал лучшие образцы этих новых для СССР бобовых для возделывания в южных районах страны. К этому времени генофонд фасоли, включая роды *Vigna* и *Dolichos* составлял 8757 образцов. Основным принципом, с которым Николай Родионович подходил к изучению этого богатейшего генофонда был следующий: «...этот обширный и богатейший материал... представляет собой большую ценность не только как коллекция, собранная из далеких уголков Земного шара, но как собрание большой системы форм, географически локализованных в определенных районах, системы, дающей возможность путем дифференциальной систематики установить градации в формообразовательном процессе, наметить пути динамического развития

разрозненных видов и рода в целом, на основе проработки нескольких родов вывести закономерности для подтрибы, открывая большие возможности для дальнейших генетических исследований в целях разрешения весьма важного вопроса биологии – установление эволюции в прежние периоды и в последние века нашей эры» (Иванов, 1937. С. 45, 46).

Развивая разработанное Н. И. Вавиловым учение о ботанико-географических основах селекции, Николай Родионович проводил опытные посевы в широком географическом диапазоне – от Ленинградской области до Сухумского отделения ВИР, «активное участие принимал в работе отраслевого института сои и зерновых бобовых культур»⁸. Он знакомился с работами селекционных станций Закавказья, Украины, Дальнего Востока, знал состояние селекционных и семеноводческих исследований, хорошо представлял перспективы развития производства зерновых бобовых и ряда других культур в целом по стране. Тесную связь с научно-исследовательскими учреждениями, совхозами и колхозами Грузинской ССР и Азербайджанской ССР он установил, начиная с 1927 года и особенно в 1936–1949 гг., внедряя в производство выделившиеся при изучении как наиболее перспективные местные и селекционные зарубежные сорта сидерационных бобовых, оказывая научно-методическую помощь по организации подзимних посевов и семеноводства.

К 1940-м годам Н. Р. Иванов уже был авторитетным исследователем и автором многих трудов по фасоли и другим зерновым бобовым культурам. В известном издании «Культурная флора СССР. Зернобобовые культуры» (1937) автором главы «Долихос» был Н. Р. Иванов. Он также принял участие в подготовке главы «Фасоль» (разделы «Лимская фасоль», «Многоцветковая фасоль» написаны им). Статьи «Фасоль – тепари» (1935), «Сидерационные культуры в советских субтропиках» (1936), «Географические закономерности в распределении культурных Phaseolinae» (1937), «Спаржевая лобия – новая овощная культура» (1937), «Предварительные итоги апробации сидерационных культур в совхозах и колхозах Грузинской ССР в 1940 г.» (1940) и другие принадлежат перу Иванова Н. Р. Онставил в них вопросы, имеющие большое теоретическое и практическое значение для развития ценных зерновых бобовых культур в нашей стране. За свою работу он был награжден Почетной грамотой Абхазского Министерства сельского хозяйства (1932), Грамотой Ленинградского отделения Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний (1932). За выведение двух новых сортов в Абхазской

⁸ Автобиография Н. Р. Иванова (Архив ВИР. Оп. 2-1. Д. 459. Лист 30).

АССР в 1940 г. был отмечен грамотой республики и Малой серебряной медалью Всесоюзной сельскохозяйственной выставки (ВСХВ).

Великая Отечественная война (1941–1945 гг.) и блокада Ленинграда прервали научные работы в ВИР. Этот период жизни Института подробно описан в книге «История мировой коллекции генетических ресурсов в России» (Лоскутов, 2009. С. 157–160). В условиях блокады главной задачей для вицовцев было сохранение вавиловской коллекции, «...насчитывавшей свыше 200 тыс. образцов, в т. ч. около 120 тыс. образцов зерновых и зернобобовых культур»⁹. Богатейшая коллекция семян, собранная в институте, содержала бесценный исходный материал для селекции. Николай Родионович проявил свой организаторский талант, активно участвуя в эвакуации коллекции гороха и люпина из Пушкинских лабораторий ВИР, когда немцы были на подступах к г. Пушкину. Все материалы были своевременно вывезены в Ленинград.

Постановление об эвакуации института на Урал (в Красноуфимск) вышло в середине августа 1941 года. Основные коллекционные образцы были тщательно упакованы и погружены в два вагона, но реализовать задуманное не удалось: в 20-х числах августа немцы захватили станцию Мга и отрезали Ленинград от Большой земли. Ленинград оказался в блокаде и состав пришлось вернуть назад, на ст. Рыбацкая. Образцы, упакованные в ящики, до зимы охраняли сотрудники института. Постепенно исчезла всякая надежда на эвакуацию семян и коллекции были возвращены в ВИР. К февралю 1942 года большинство сотрудников было эвакуировано в Красноуфимск. В ВИР осталось 14 человек, в том числе и Николай Родионович, старший научный сотрудник отдела зернобобовых. Они должны были сохранить самое ценное, как считал Н.И. Вавилов, – уникальную коллекцию всех сельскохозяйственных культур земного шара и библиотеку.

По свидетельству Музы Евгеньевны Раменской, в течение четверти века (1978–2003 гг.) работавшей ученым секретарем «Вавиловской комиссии», оставшиеся в блокадном Ленинграде уполномоченные дирекции института распорядились смешать образцы «чтобы не смог воспользоваться враг». Николай Родионович как председатель профкома успел дать телеграфный запрос руководству, на который последовал ответ, что Ленинград сдан быть не может, и распоряжение было отменено (Раменская, 1992)¹⁰.

Блокадная зима 1941/42 гг. с тридцатью-сорокаградусными морозами, голодом, отсутствием воды, света и топлива, с одной

⁹ Иванов Н.Р., 1974. С. 293

¹⁰ Об этом же свидетельствует В. С. Лехнович. См. его воспоминания в этом издании (стр. 28–29).

стороны, и наличием съедобной коллекции, с другой, – это испытание не для слабых духом людей. Ряд сотрудников института умерли от голода на своих рабочих местах, сохраняя съедобные коллекции риса, картофеля, пшеницы и других культур. «...ленинградские ученые не притронулись даже к тому картофелю, который уже не способен был плодоносить. По мнению советского ученого Николая Родионовича Иванова, семенной картофель не утрачивает жизнеспособности в течение пяти-шести лет. Отдельные экземпляры – до двенадцати лет. На несколько десятков клубней один все-таки приходится жизнеспособный. Ленинградцы получали по 125 г хлеба в сутки, но не прикоснулись к семенному картофелю»¹¹. Вот как описывали этот период жизни Николая Родионовича К. В. Иванова и Р. Х. Макашева: «Николай Родионович, подчиняясь внутреннему чувству долга, ежедневно ходил на работу, несмотря на постоянные бомбардировки, на распухшие, тяжело передвигавшиеся ноги, слабость от длительного голодания. Он любил родной город и в мирное время в свободные часы бродил по нему с большим удовольствием. Раньше от 2-й линии Васильевского острова, где была его квартира, доходил через мост Лейтенанта Шмидта до института неспешным шагом за 30 минут. А в блокадные дни это занимало более часа, хотя шел он кратким путем – по льду Невы. В его ведении была коллекция высокобелковых зерновых бобовых культур – горох, фасоль, чечевица, чина, бобы, нут, вигна, соя и др. Это ли не съедобные семена! Но большинство из них было съедобно и для опаснейшего врага коллекции – крыс. Нашествие их полчищ началось сразу после массового закрытия магазинов с продовольственными товарами и столовых, до войны во множестве действовавших вблизи Исаакиевской площади. С крысами приходилось вести борьбу, семена коллекции могли быть уничтожены. Чего это стоило ослабевшим от голода сотрудникам ВИР, трудно представить людям, не участвовавшим в такой борьбе, но коллекции были спасены. Это не вся кому дано понять, но понимают в полной мере те, кто посвятил свою жизнь работе с коллекцией. А заграничные ученые были убеждены, что семена съедены. Недаром в 1945 году английский профессор Дарлингтон написал в журнале «Nature»: «Обезумевшие от голода ленинградцы съели знаменитую коллекцию». Когда он после войны посетил ВИР, Николай Родионович поинтересовался, как можно было написать такую ужасную вещь, не убедившись в ее правдивости. Дарлингтон сослался на сообщение по радио, которое он сам слышал. Действительно, трудно понять, что коллекция могла сохраниться, когда люди умирали от голода» (Иванова, Макашева, 1994. С. 191, 192).

¹¹ Разговор двух героев из романа монгольского писателя Сономын Лочина «Исповедь двух героев». С. 68, 69.

В 1943 году встал вопрос о поддержании и восстановлении всхожести скороспелых сортов сохранных коллекций. Николай Родионович совместно с П. Н. Петровой весной 1943 года провели посев в совхозе «Предпортовый», очень близком к линии фронта. Под орудийным огнем немцев на площади 250 кв. метров было высеяно около 200 сортов¹². Всхожесть исходного материала для создания скороспелых сортов была восстановлена.

В течение трех блокадных лет Николай Родионович также участвовал в подготовке массовых сельскохозяйственных кадров для совхозов и подсобных хозяйств промышленных предприятий Ленинграда. Он активно занимался распространением знаний по выращиванию овощей, помогал организовать их семеноводство, являясь внештатным сотрудником Городской станции по семеноводству овощных культур. Станция была организована в 1942 году на базе совхоза «Красная заря» и в ее задачу входили организация и контроль семеноводческой работы в совхозах и подсобных хозяйствах блокированного Ленинграда. В годы блокады Николай Родионович принимал активное участие в работе Ленинградского Дома Ученых им. А. М. Горького, с 1943 года выполняя обязанности руководителя сельскохозяйственной секции. Как специалисту-ботанику ему «приходилось в блокаду уделять немало времени проблеме использования дикорастущих трав в питании ленинградцев»¹³. По мере сил Николай Родионович не прекращал и литературную работу. В 1943 году он написал для «Бюллетеня Горземотдела» статьи: «Уход за семенниками овощных культур», «Инструкция по уборке семенников», «Осенние работы по семеноводству»; в 1944 году оформил листовку для издательства Наркомзема СССР «Расширяйте посевы фасоли!», а в 1944/45 гг. разработал мероприятия по выращиванию зерновых бобовых культур, в частности фасоли. Его работа в годы войны была отмечена неоднократными благодарностями от Октябрьского райсовета (1943, 1944), медалью «За оборону Ленинграда» и Грамотой Ленинградского Совета Депутатов Трудящихся (1943), медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1946).

Этот период был описан Н. Р. Ивановым в книге «В осажденном Ленинграде» (1974), выдержавшей впоследствии три издания. Составители – Н. Р. Иванов, В. С. Лехнович, К. А. Никитин собрали в ней в воспоминания работников сельского хозяйства о блокадных днях. Сам Николай Родионович написал в нее две статьи: «Главная задача» – о сохранении коллекции и других ценностей ВИР, и «В одном строю» – о деятельности сельскохозяйственной секции Дома ученых им. А. М. Горького.

¹² Иванов Н. Р., 1974. С. 297.

¹³ Там же. С. 256.

В 1944 году, после снятия блокады и возвращения сотрудников института из эвакуации, работа с сохраненной уникальной мировой коллекцией ВИР была продолжена.

В 1945 году Николай Родионович был назначен заведующим отделом зерновых бобовых культур¹⁴ и руководил этим отделом до 1971 года. Этот период был одним из самых плодотворных в деятельности отдела. Николаю Родионовичу удалось сформировать команду единомышленников. Вместе с ним работали Вера Ивановна Буданова, Иван Иванович Мирошниченко, Рауза Хадиевна Макашева, Зинаида Александровна Лузина, Анна Михайловна Павлова, Ольга Павловна Адамова, Софья Ивановна Степанова, Николай Иванович Корсаков, Роза Борисовна Демина, Лидия Васильевна Леокене, Татьяна Анатольевна Волузнева, Марина Васильевна Петрова.

Сотрудники ВИР систематически выполняли задания правительства страны. Вот и Н. Р. Иванова сразу после войны командируют в г. Измаил (Одесская обл.) – торгово-транзитный центр, через таможенный терминал которого в страну поступали различные товары, в том числе семенной материал из-за рубежа. Поскольку отечественный семенной фонд во время войны был истрачен, семена закупали за рубежом. Н. Р. Иванов был послан на таможню Измаила в качестве инспектора для проверки импортируемого семенного материала зерновых бобовых культур.

С 1946 года Иванов, следуя завету своего учителя «Жизнь коротка, надо спешить», начал активно организовывать изучение вновь поступающего материала и готовить коллекцию для восстановления всхожести образцов. В этом же, 1946 году, ВАК утвердил его в должности старшего научного сотрудника. Много времени и сил в это время он уделял разработке мероприятий по восстановлению и развитию научно-исследовательских работ селекционных станций страны и опытной сети института, выступлениям и докладам, пропагандирующими идеи Н. И. Вавилова, подготовке научных кадров. Он много писал, редактировал, выступал с докладами о бобовых на технических советах Министерства сельского хозяйства СССР, Министерства заготовок СССР, не говоря уже о проблемных докладах на Ученом совете института, на всесоюзных и республиканских совещаниях и конференциях (города Орел, Киев, Чернигов, Днепропетровск, Новозыбков, Казань, Львов, Краснодар, Сухуми, Тбилиси, Махарадзе, Благовещенск). В них он развивал мысли о значении скороспелости в селекции, более полном использовании пашни за счет посевов на паровых полях, о поукосных и пожнивных посевах, о

¹⁴ Леонид Ипатьевич Говоров, руководивший отделом до войны, был арестован в январе 1941 г. и умер в тюрьме 13 января 1943 г.

подзимних сроках сева, остро ставил вопрос о проблеме белка в растениеводстве. Он написал разделы по зернобобовым культурам в книге «Сорта главнейших полевых культур» (1945, 1947) для различных зон возделывания; разделы по фасоли в «Руководстве по апробации сельскохозяйственных культур» (1948, 1949) и в книге «Зерновые бобовые культуры» (1953); брошюру «Люпин» (1949); статьи «Семеноводство овощных бобовых культур в северо-западной зоне» (1950); «Комплексное изучение зерновых бобовых культур» (1952). Под его редакцией и при его участии вышла научно-популярная монография «Зерновые бобовые культуры: горох, чечевица, фасоль, соя, нут, чина, русские бобы, вигна» (1953) и были изданы книги: «Высокие урожаи зерновых бобовых культур» (1952), «Фасоль» (1955). За работу в этот период он был отмечен Знаком отличника сельского хозяйства Министерства сельского хозяйства СССР (1948), почетными грамотами (1949, 1950), Большой серебряной медалью Всесоюзной сельскохозяйственной выставки (1954). В этом же, 1954 году, был награжден Орденом Ленина¹⁵.

Н. Р. Иванов понимал важность пополнения коллекции института и курировал поступление нового материала. В 1946–1948 гг. он лично обследовал посевы зернобобовых, проведенные семенами, закупленными большими партиями в США и Болгарии. Также большое внимание Николай Родионович уделял экспедиционным сборам исходного материала. Наиболее плодотворную экспедицию он совершил вместе с сотрудниками института по Китаю в 1956 году. Члены экспедиции посетили более 60 научно-исследовательских и учебных институтов, лабораторий, выставок и пр. В вегетирующем состоянии было просмотрено 15000 образцов, намечено к интродукции более 6000 образцов, относящихся к 85 видам культурных растений. Сотрудники привезли с собой более 500 образцов преимущественно зерновых культур и около 300 гербарных листов. Было подготовлено к отправке из Пекина еще 1500 образцов, 200 книг, брошюр и журналов по растениеводству (Иванов, 1956. С. 76). В коллекцию поступили зимующие формы гороха, отличающиеся скороспелостью, поскольку известный до этого времени сортимент был только позднеспелым. Новый материал открыл возможность вовлечения скороспелых форм в гибридизацию с продуктивными, но позднеспелыми сортами.

Многочисленные публикации Николая Родионовича этого времени были посвящены теме развития производства и селекции зернобобовых культур. В книге «Пожнивные посевы бобовых культур» (1959) рассказывается о значении, зонах возделывания и агротехнике бобовых

¹⁵ Газета «Вечерний Ленинград», № 160. 8 июля 1954 г.

культур. Перспективы развития селекции и производства зернобобовых были обобщены позже в статьях «Современное состояние и развитие производства зерновых бобовых культур» (1962, 1967, в соавторстве с И. И. Мирошниченко), «Исходный материал для селекции бобов» (1962), «Производство зерновых бобовых культур и задачи селекции» (1964), «Расширение производства зерновых бобовых культур в земледельческих странах мира» (1965), «Перспективы селекции зернобобовых культур» (1965), «Зерновые бобовые культуры в Узбекской ССР» (1966).

Особое внимание он уделял овощным зернобобовым культурам. Эта тема освещалась им в ряде работ: брошюре для колхозов и совхозов северо-западной зоны нечерноземной полосы «Овощные бобовые культуры» (1957), статьях «Перспективы развития производства овощных бобовых культур» (1959), «Новые овощные бобовые культуры» (1961), «Новая овощная бобовая культура – сахарный долихос» (1961), «Методика селекции и расширения производства овощных бобовых культур» (1963, 1964), «Перспективы производства овощных бобовых в СССР» (1966). В этот период он также активно участвовал в работе международных конгрессов: X ботанического в Великобритании (1964), XII ботанического в Ленинграде (1975); был на Менделевских торжествах в Брно (1965).

Фасоль по-прежнему оставалась в центре его внимания, вышли его работы по этой культуре: «Эволюция культурных видов рода *Phaseolus* L.» (1960), «Овощная фасоль» (1960), «История овощной фасоли» (1961). В 1962 году он блестяще защитил диссертацию на соискание ученоей степени доктора сельскохозяйственных наук. К моменту защиты докторской им уже было подготовлено 10 аспирантов, написано около 60 работ, сделано 20 докладов о бобовых культурах. В качестве диссертации была представлена монография «Фасоль» (1955, 2-е издание – 1961). Эта книга до сих пор является настольной при изучении фасоли. В монографии Н. Р. Иванов обобщил обширные литературные данные и результаты своих многолетних исследований, разработал экологическую классификацию фасоли обыкновенной, согласно которой обыкновенная фасоль включает 4 климатипа: полупустынный, лесной, высокогорный и приморский. В пределах климатипов имеются экотипы, биологические и морфологические особенности которых связаны с формой куста. Экологогеографические типы установлены по признакам габитуса куста и продуктивности вегетационного периода с учетом географической приуроченности: аризонский, мексиканский ранний, мексиканский средний, мексиканский поздний, мексиканский мелкоплодный, тропический мощный, юкатанский, гватемальский, колумбийский среднеспелый, колумбийский позднеспелый, перуанский ранний, перуанский поздний и боливийский ранний. По характеру соцветия

окраске венчика цветка определяются группы разновидностей. В основу классификации разновидностей положены окраска, форма и размер семян.

Как специалист по зернобобовым культурам, Н. Р. Иванов всегда интересовался и уделял большое внимание проблеме белка в растениеводстве, еще в 1948 году вышла его статья «Проблема белка в растениеводстве». В 1957 году он принял участие в работе съезда Всесоюзного Ботанического Общества (тезисы «Роль бобовых культур в разрешении белковой проблемы»). В 1958 году на совещании стран СЭВ в Берлине, где его доклад по проблеме белка привлек пристальное внимание, Иванов Н. Р. был избран председателем секции растительного белка. Его доклад на V биохимическом конгрессе (1961) в Москве был посвящен новому вопросу – изменению качества белка семян зерновых бобовых культур при длительном хранении. Им написан ряд статей, посвященных проблеме белка в растениеводстве: «Изменчивость всхожести семян зерновых бобовых культур от влияния сроков хранения» (1961, 1962), «Значение бобовых в решении проблемы растительного белка» (1970), «Роль однолетних бобовых культур в производстве высокобелковых кормов» (1971), «Пути увеличения производства растительного белка» (1973). Ряд лет он возглавлял работу по проблеме белка в институте и ВАСХНИЛ.

Наряду с полевым изучением образцов зернобобовых культур, Николай Родионович постоянно следил за совершенствованием методик изучения исходного материала. «Так, он первым в институте организовал разработку классификаторов для описания всех зерновых бобовых культур. Первым привлек иммуноэлектрофоретический метод в разработке систематики фасоли – вначале совместно с чешскими исследователями И. И. и Е. С. Клозовыми, позднее – с отделом молекулярной биологии ВИРа» (Иванова, Макашева, 1994. С. 193, 194). Он осуществлял тесную связь со многими методическими отделами института, организуя комплексные исследования по систематике, биохимии, иммунитету, физиологии, технологической оценке растительного сырья.

Интересной новацией для того времени было изучение гемагглютининов зернобобовых с целью использования их как возможных заменителей сывороток для массового определения групповой принадлежности крови доноров. С 1969 года Николай Родионович тесно сотрудничал с Научно-исследовательским институтом гематологии и переливания крови, для совместной работы был использован расширенный набор бобовых культур (*Phaseolus* L., *Dolichos* L., *Vicia* L.). Специфические фитогемагглютинины (ФГА), имеющие наиболее высокие серологические показатели, были выделены из семян лимской фасоли (*Phaseolus lunatus* L.) и долихоса двуцветкового (*Dolichos biflorus* L.) (Кочеткова, Иванов, Дрозд, 1980). «...Работа с фитогемагглютинами

(веществами растительного происхождения) с предложенными культурами бобовых растений дали положительные результаты и в 1977 г. З группы крови легко определялись препаратами института гематологии, а во второй половине года найден препарат, позволяющий определить и четвертую группу. Семена размножила Крымская ОС ВИР»¹⁶.

Также Николай Родионович занимался и такой малоизвестной культурой как *Cyatopsis tetragonoloba* (L.) Taub. (Гороховое дерево или Гуар). Это однолетняя зернобобовая культура, используемая в промышленности. Работа с гуаром в то время была засекречена. Вот что пишет Н. Р. Иванов в одном из своих отчетов: «Консультация представителей горно-рудной промышленности по созданию естественного загустителя, обеспечивающего глубинные взрывы. Это препарат из семян циамописса (гуара). Это растение произрастало дико на полуострове Индостан, главным образом в северо-западной его части. Исследования в Ленинграде и Москве строго засекречены. Были предоставлены семена. Для дачи консультации потребовалось перечитать много статей»¹⁷.

Николай Родионович в течение всей своей научной деятельности занимался разработкой теоретических вопросов по изменчивости признаков, систематике и происхождении фасоли. Во всех этих исследованиях Н. Р. Иванов следовал теоретическим положениям, разработанным его учителем – Н. И. Вавиловым.

Николай Родионович всегда подчеркивал универсальность и поисковое значение закона гомологических рядов. Как известно, Н. И. Вавилов привел схему изменчивости по окраске семян для двух бобовых культур: посевной вики и чечевицы. Эти два ряда повторяют не только самый характер окраски, но и ее тональность и крапчатость и, как говорил Николай Родионович, «такого второго классического примера не подберешь»¹⁸. Н. И. Вавилов в своем «Законе гомологических рядов в наследственной изменчивости», впервые опубликованном в 1920 году, привел общую схему изменчивости признаков для 11 культурных видов, относящихся к двум трибам – виковым и фасоловым по 32 признакам. В этой схеме отражена изменчивость цветка, плода, семян, листа, стебля и ряда биологических признаков. Работая с фасоловыми, в 1937 году Николай Родионович Иванов опубликовал схему наследственной изменчивости культурных *Phaseolinae* для 17 видов по 35 признакам. Для видов *Phaseolus*, *Dolichos* и *Vigna* была показана чрезвычайная изменчивость признаков в видовом

¹⁶ Годовой отчет Н. Р. Иванова за 1977 г. Архив отдела ЗБК.

¹⁷ Годовой отчет Н. Р. Иванова за 1977 г. Архив отдела ЗБК.

¹⁸ Н. Р. Иванов, 1976. С. 61.

разрезе. Иванов писал: «...географически удалось установить одновременное нахождение аналогичных признаков, которые в одинаковых географических условиях проявляются достаточно сильно. Для некоторых видов приходится констатировать захождение признаков...»¹⁹. В качестве примера приведены виды фасоли: *P. vulgaris*, *P. multiflorus* (= *P. coccineus* L.) и *P. lunatus*, у которых ряд форм по некоторым признакам практически не различимы. И здесь он, вслед за Вавиловым, подчеркивал чрезвычайную важность установления видового радикала и определенного комплекса признаков для географических групп по видам различных континентов, характеристики родов и, наконец, установление комплекса признаков подтрибы *Phaseolinae*, который хорошо выделяется по немногим, мало подверженным изменчивости признакам. Подходя к созданию новой классификации рода, он писал: «Отныне классификация фасоли должна быть самым решительным образом перестроена и базироваться на систематике не только генеративных органов, но и вегетативных типов, с учетом экологических группировок, географических ареалов форм и эволюционного формообразовательного процесса»²⁰. Любой вироевец услышит в этом предложении понимание вида, как его сформулировал Н. И. Вавилов: «Вид – обособленная сложная морфо-физиологическая система, связанная в своем генезисе с определенной средой и ареалом» (Вавилов, 1987. С. 176). Позднее, основываясь на многолетних исследованиях 10 тысяч образцов фасоли из 75 стран мира, представленных в коллекции и изучаемых на опытных станциях ВИР, Н. Р. Иванов совместно с В. И. Будановой определили радикал вида, дали критический анализ систематики рода *Phaseolus*, показав обособленность видов азиатского очага происхождения от видов американского, а также построили гомологические ряды для четырех видов фасоли американского происхождения, подтверждающие классический закон Н. И. Вавилова (Иванов, Буданова, 1973).

Николай Родионович, понимая диалектическое значение закона Н. И. Вавилова, постоянно пополнял свою схему признаками, которые он условно называл «новыми», заключая это слово в кавычки, поскольку считал, что: «...эти новые признаки по существу являются старыми, они характеризуют первичные культурные сорта,aborигенные формы, зачастую эндемы. В процессе формообразования эти признаки уступали место иным, таким образом, имело место уменьшение числа признаков. Биологические формы многолетние переходили в двулетние, затем появились однолетки, примеры Латинской Америки свидетельствуют о

¹⁹ Н. Р. Иванов, 1937. С. 55.

²⁰ Там же. С. 60.

направленности процесса именно в этом направлении. Можно предположить, что перекрестное опыление раньше имело преимущественное значение и лишь в последующие периоды, особенно при перенесении культуры в умеренный пояс самоопыление стало преобладающим способом оплодотворения фасоли. Разбирая морфологические признаки, приходится констатировать, что формообразовательный процесс выявил рецессивные признаки, повел к обогащению скороспельными формами»²¹. Николай Родионович приводит 9 таких «новых» признаков для фасоли. Например, многие тропические формы в отличие от форм умеренного климата были многолетними и двулетними и в условиях теплиц не прекращавшими рост. Они были позднеспельмыми (вегетационный период 185 дней), что, кстати, свойственно и другим культурным бобовым, в частности сое. Также отмечались формы с лианоподобным стеблем до 15 метров длиной, что свойственно многим тропическим бобовым; найдены формы с опорными корнями на стеблях, которые могут укореняться при отсутствии опоры и формы с неровной поверхностью семян, как бы гомологи мозговых сортов гороха. (Иванов, 1937). Сейчас, когда накоплен обширный материал по многим видам и родам бобовых, можно с уверенностью сказать, что подобные признаки также образуют гомологичные ряды у многих видов. В своей последующей деятельности Николай Родионович собирали новые факты по бобовым для дополнения схемы, составленной Вавиловым. В частности, были найдены зеленые семядоли у бобов и нута. Во времена Н. И. Вавилова были известны образцы фасоли только с голыми (не опущенными) бобами, позднее был найден образец из Мексики с опушением. В роде *Dolichos* в 1959 году были найдены образцы с беспергаментными (сахарными) бобами. При этом Николай Родионович отмечал, что в схеме отсутствуют биохимические свойства, которых на тот период было недостаточно для создания рядов у большого числа видов. Однако писал он, «можно определенно говорить о гомологичной изменчивости фракционного состава белка семядолей в отношении максимального и минимального содержания водорастворимой, растворимой в щелочах и кислотах фракций белка, повторяемость в содержании белка аминокислот, процент содержания альбуминов и глобулинов...»²². Это было провидческое, основанное на разрозненных фактах и логике, убеждение. Позднее в многочисленных работах вировских и других биохимиков и молекулярных биологов были действительно найдены многочисленные гомологии по составу белков у видов бобовых, которые, к сожалению, не были сведены воедино.

²¹ Н. Р. Иванов, 1937. С. 54.

²² Н. Р. Иванов, 1976. С. 62.

В 1961 году в своей монографии «Фасоль» Николай Родионович опубликовал схему изменчивости признаков для четырех важнейших видов фасоли американского и пяти азиатского происхождения. Здесь уже было проанализировано 70 признаков, включая не только морфологические и вегетативные, но и такие биологические признаки как скороспелость, устойчивость к засухе и болезням (Иванов, 1961). Такую схему в 1940 году Н. И. Вавилов предполагал дать во втором издании «Центров происхождения культурных растений».

Как любая наука, учение Н. И. Вавилова о центрах происхождения культурных растений, не догма. Оно постоянно развивается. Сам Н. И. Вавилов в 1936 году, в одном из своих выступлений говорил о значении вторичных очагов, о большом количестве вновь накопленных фактов новообразования генов на пространствах вне ранее установленных центров происхождения. Он намечал в ближайшем будущем сделать синтез этих новых фактов, накопленных коллективом института. Однако тяжелая обстановка того времени, начало репрессий не позволили ему сделать это. Николай Родионович развел теорию учителя в применении к трибе *Phaseolinae*. Изучив распространение представителей полифилетического рода *Phaseolus*, насчитывающего на тот момент более 150 видов, он выявил 3 самостоятельных центра видообразования культурных фасоловых: 1) Южная и Центральная Мексика; 2) горный район больших озер Восточной Африки; 3) Юго-Западная Азия. На долю Старого Света падает около 35% видов, в Америке же находится основное разнообразие рода, занимающего обширный ареал. При этом в Новом свете было сосредоточено разнообразие крупносемянных видов фасоли: *P. vulgaris*, *P. multiflorus* и *P. lunatus*, район Восточной Африки – это район первичной культуры вигны и долихоса, а Пенджаб и предгорья Гиндукуша являются сосредоточием мелкосемянных азиатских видов фасоли: маша (*P. aureus*), *P. mungo*, *P. sublobatus* и др. (Иванов, 1937). Много позднее, многочисленные данные, в том числе и биохимические исследования, подтвердили отдаленность и специфичность видов, относящихся к разным очагам происхождения, а перечисленные азиатские виды причислены к роду *Vigna* (Буданова, 1982).

Статьи Николая Родионовича последних лет его жизни были посвящены теоретическим и практическим проблемам растениеводства. В них он обобщал результаты своего многолетнего изучения: «Некоторые итоги изучения зерновых бобовых культур» (1968), «Мировые растительные ресурсы зерновых бобовых культур» (1969) и другие. В этих работах была приведена не только общая характеристика культур, но и результаты физиологических, анатомических, генетических и других исследований; рассматривались проблемы селекции и исходного материала. В статье «У истоков научной реконструкции растениеводства в

стране» (1970) освещены вопросы истории института, замена несортовых посевов сортовыми, задачи интродукции, селекции и возможности продвижения на север кукурузы и фасоли.

Отдавая дань памяти Н. Р. Иванову как большому ученому, замечательному человеку и преданному ученику Н. И. Вавилова, мы хотим еще раз вернуться к его деятельности по восстановлению памяти учителя.

Задолго до реабилитации Н. И. Вавилова, в условиях полнейшего умолчания его имени даже в ВИР, Николай Родионович разыскивал и собирал неопубликованные труды ученого, фотографии, связанные с жизнью и деятельностью Вавилова, его письма и письма к нему. Он создал и постоянно пополнял коллекцию негативов как с изображениями Н. И. Вавилова, так и снятых самим ученым. Все фотографии к посмертным изданиям трудов Н. И. Вавилова и другим публикациям почерпнуты из этой фототеки. Во избежание случайностей Н. Р. Иванов с каждого негатива, который удалось аннотировать, делал несколько отпечатков: один оставлял у себя, остальные раздавал ученикам и близким Николая Ивановича. После реабилитации Вавилова у этих людей появилась возможность публиковать работы о нем с иллюстрациями и организовывать выставки. Самая большая выставка была подготовлена самим Н. Р. Ивановым в ВИР. Именно она составила основу мемориального кабинета-музея, созданного здесь в 1977 году. Эти фотографии положили начало и мемориальному кабинету Н. И. Вавилова в Саратовском СХИ. Сейчас эта фототека находится в архиве ВИР.

Сразу после войны, еще не имея никакой надежды на успех, он в числе самых близких и преданных Вавилову людей взялся за подготовку к изданию его трудов. Вместе с Е. И. Барулиной-Вавиловой, Ф. Х. Бахтеевым, П. А. Барановым, Ф. Ф. Давитая и др. они обратились за поддержкой к академикам П. М. Жуковскому, директору ВИР, и В. Н. Сукачеву, директору Института леса, президенту Московского общества испытателей природы (МОИП). И уже в 1957 году, менее чем через два года после реабилитации Н. И. Вавилова, увидел свет первый том его не публиковавшейся ранее монографии «Мировые ресурсы сортов хлебных злаков, зерновых, бобовых и льна и их использование в селекции».

Н. Р. Иванов был единственным вироцем, подписавшим «Письмо трехсот» в Президиум ЦК КПСС в 1955 году²³. Это коллективное письмо, инициированное директором Ботанического института АН

²³ П. М. Жуковский, будучи в то время директором ВИР, приложил отдельное заявление в ЦК КПСС в связи с этим письмом.

СССР П. А. Барановым и директором лаборатории цитологии АН СССР Д. Н. Насоновым, «знаменательно тем, что за генетику вступилась научная элита страны...». «Письмо трёхсот стало не только ярким свидетельством консолидации антилысенковских сил в биологии, но и свидетельством создания широкого фронта поддержки генетики в стране» (Захаров, Шумный, 2005. С. 12, 13). Как известно, письмо, в конечном счете, явилось причиной отставки Лысенко с поста президента ВАСХНИЛ, а некоторых его приверженцев и ставленников с других руководящих постов в системе Академии наук СССР.

В 1959 году по инициативе П. А. Баранова, Ф. Х. Бахтеева, Д. В. Лебедева и Н. Р. Иванова начали издавать пятитомник избранных трудов Н. И. Вавилова. На пути этого издания чинились многочисленные препятствия. Несмотря ни на что, позиции «народного академика» Т. Лысенко все еще были сильны. Более того, ему удалось вернуть себе главную из утраченных в 1956 году позиций: в августе 1961 года его снова сделали Президентом ВАСХНИЛ. Это не могло не пугать издательства и рецензентов. Но вавиловцы не ослабляли написка. На собственные деньги перепечатывали они вавиловские работы, «приватно» делали для собрания сочинений рисунки, фотографии. Пятитомник издавали в течение семи лет: с 1959 по 1965 гг.

Через руки Н. Р. Иванова прошли тысячи писем Вавилова. Он первым обратил внимание на документы, относившиеся к зарубежной переписке ученого. Во всех отделах ВИР он разыскивал письма, адресованные Вавилову и написанные им. Он снимал с них фотокопии и передавал пенсионерам – бывшим сотрудникам ВИР – для перевода. Он отслеживал их поступление в архив института²⁴. Письма, найденные и обработанные Н. Р. Ивановым, вошли в изданные два тома переписки Н. И. Вавилова с соотечественниками²⁵ и шеститомник международной переписки ученого²⁶.

В 1966 году Николай Родионович становится ученым секретарем учрежденной при РАН СССР Комиссии по сохранению и разработке научного наследия академика Н. И. Вавилова. По воспоминаниям современников «...с момента создания Комиссии... Николай Родионович до самой смерти был не просто ее ученым секретарем, а движущей силой,

²⁴ Ныне они хранятся в Государственном архиве научно-технической документации Санкт-Петербурга, в Архиве РАН и в его Санкт-Петербургском филиале.

²⁵ Николай Иванович Вавилов: Из эпистолярного наследия, 1911-1928 годы. Т. 5. М. Наука, 1980. 427 с.; Николай Иванович Вавилов: Из эпистолярного наследия, 1929-1940 годы. Т. 10. М. : Наука, 1987. 473 с.

²⁶ Николай Иванович Вавилов. Научное наследие в письмах. Международная переписка. Т. I-VI. М. : Наука. 1994–2003.

главным действующим лицом, инициатором и организатором большинства проводимых мероприятий». Он щедро делился всем, что было накоплено им за многие годы, снабжал с присущей ему широтой ценным демонстрационным материалом музеи и выставки, организуемые в Ленинграде, Москве, Азербайджане, на Украине и в других городах и республиках» (Иванова, Макашева, 1994. С. 188).

На первом заседании комиссии было решено использовать предстоящий 80-летний юбилей Н. И. Вавилова для широкой пропаганды его имени и идей. Председатель «Вавиловской комиссии» В. Н. Сукачев не дожил до юбилея. Руководство ею легло на плечи Н. Р. Иванова. Фактически он руководил комиссией и после назначения нового председателя академика А. А. Федорова. Николай Родионович сплотил вокруг комиссии всех деятельных учеников Н. И. Вавилова, переписывался с ними, по возможности привлекал к работе.

По инициативе Н. Р. Иванова развитие идей Н. И. Вавилова получило продолжение на трех проводившихся в нашей стране международных научных конгрессах. Он щедро делился обнаруженными им материалами, консультировал авторов статей и книг и составителей сборников, посвященных Н. И. Вавилову, прочитывал и редактировал их работы – и никогда не заботился о том, чтобы его имя было упомянуто. Теперь трудно сказать, какие публикации были бы хуже, а какие бы вовсе не появились, если бы не инициатива и помощь Николая Родионовича. Последнее, что успел перед смертью он сделать, – это разослать письма с просьбой присыпать предложения по организации столетнего юбилея Н. И. Вавилова (Раменская, 1992).

Многое почерпнули от общения с Николаем Родионовичем первые биографы Н. И. Вавилова – С. Е. Резник и В. Д. Есаков, а также писатель М. А. Поповский – главный в те годы публикатор материалов, связанных с Н. И. Вавиловым²⁷.

Николай Родионович был одним из последних, видевших Н. И. Вавилова перед его роковой экспедицией на Украину в 1940 году, навестив его на московской квартире вечером перед отъездом Вавилова в Киев. Об этом он рассказывал М. Поповскому²⁸.

Самой характерной чертой Николая Родионовича, как человека, была способность создавать вокруг себя атмосферу доброжелательности. Его умение общаться с людьми и несомненный организаторский талант, выработались, безусловно, не без влияния

²⁷ Марк Александрович Поповский - автор книг «Надо спешить» (1968); «Дело академика Вавилова» (1983, 1991); повести «Тысяча дней академика Николая Вавилова» (1966) и многочисленных статей в журналах и газетах о Н.И.Вавилове.

²⁸ Опубликовано в книге «Дело академика Вавилова», 1991.

Н. И. Вавилова. Энциклопедическая широта знаний, преданность науке, исключительная память сочетались в нем с интеллигентностью и доброжелательностью. Этими личными качествами он неизменно вызывал уважение и любовь всех работавших рядом с ним людей, был общительным и жизнерадостным, щедро делился своими знаниями, давая консультации по самым различным вопросам. Будучи еще кандидатом биологических наук, он оказывал научно-методическую помощь коллегам в оформлении докторских диссертаций. Обладая энциклопедическими знаниями и хорошо зная природу, особенно окрестности Ленинграда, историю города, он всегда был душой молодежных походов. Николай Родионович любил жизнь во всех ее проявлениях, часто посещал балет, оперу и филармонию.

Мы сочли бы рассказ о жизни и деятельности Н. Р. Иванова не полным без упоминания об его большом и верном друге – жене и соратнице Клавдии Васильевне Ивановой. Они вместе вели научную деятельность в институте, вместе переживали блокаду Ленинграда и после ареста и смерти Н. И. Вавилова вместе собирали материалы о нем. Клавдия Васильевна была для мужа «...бессменным помощником и до создания Комиссии АН СССР по сохранению и развитию научного наследия Николая Ивановича, и в тот период, когда Н. Р. Иванов стал ученым секретарем этой комиссии. После смерти мужа Клавдия Васильевна продолжала приводить в порядок собранные документы и передавать их в архивы» (Гиренко, 1994. С. 199).

Работы Н. Р. Иванова имели международное значение. Он был широко известен за рубежом, его научный талант и человечность отмечал в некрологе после его смерти Cohen Barry Mendel в 1980 году (США): «Доктор Иванов был талантливым ученым, но наиболее важной была его человечность, объединяющая вокруг него студентов, друзей и коллег...» (Cohen Barry Mendel, 1979. Р. 149.). Человеческие качества Николая Родионовича высоко ценились окружающими, о чем свидетельствуют воспоминания соратников, приведенные ниже. Эти воспоминания были собраны уже после его смерти (1978) и бережно сохранены ученицей и аспиранткой Н. Р. Иванова Верой Ивановной Будановой в архиве отдела генетических ресурсов зернобобовых культур ВИР. Публикуются впервые.

Умер Н. Р. Иванов 2 января 1978 года в Ленинграде. В памяти тех, кто знал его, он останется навсегда.

Сухумское отделение,
сентябрь 1927 г.

Пушкинские лаборатории, 1949 г.
Н. Р. Иванов крайний справа

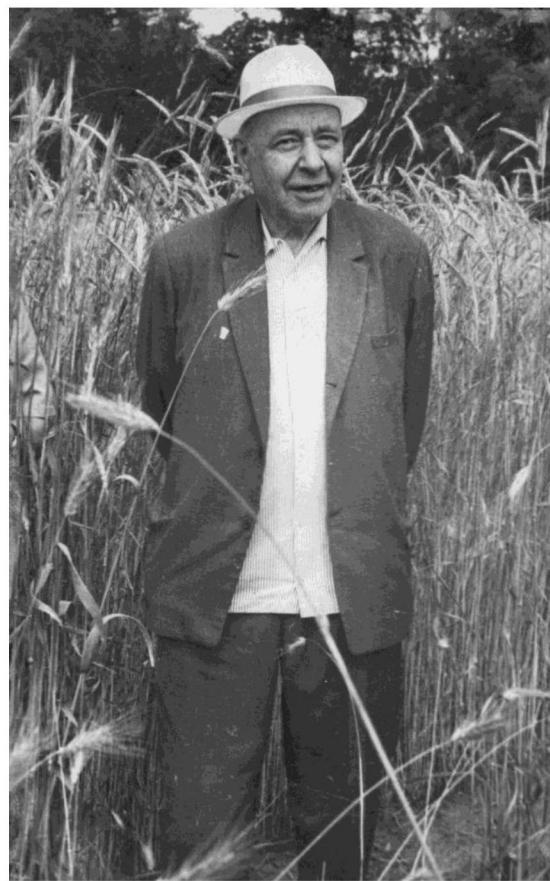
Годы аспирантуры. Слева направо: В. Б. Енкен, Н. Р. Иванов,
Ф. К. Чапурин. 1952 г.

Кавказ. Турпоход.
1960-е годы

Слева направо: К. В. Иванова,
Ю. М. Мотузенко, Н. Р. Иванов. 1962 г.

Пушкинские лаборатории ВИР. 1964 г.

Отдел зернобобовых культур, 1976 г.

Н. Р. Иванов, 1976 г.

Разбор архивных материалов
Н. И. Вавилова. 1977 г.

Содержание

Николай Родионович Иванов	5
Воспоминания о Н. Р. Иванове.....	31
Список наград Н. Р. Иванова.....	40
Цитированная литература	41
Указатель основных трудов Николая Родионовича Иванова	43
Неопубликованные работы.....	58
Основные работы под редакцией Н. Р. Иванова	60
Литература о жизни и деятельности Николая Родионовича Иванова	64